

18+

ГЕРЦОГ БАБЕНБЕРГ

Монархия — мать порядка!

СКАЗКИ О ТРЕХ ДЕВЯТЫХ

Герцог Бабенберг

Монархия – мать порядка!
Сказки о трех девятых

«Издательские решения»

Герцог Бабенберг

Монархия – мать порядка! Сказки о трех девятых / Герцог Бабенберг — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-691392-9

«Монархия — мать порядка!» — ироничный и глубокий анализ власти в её самой парадоксальной форме. От «верховных» королей Ирландии до советских генсеков-монархов книга исследует, как божественное право, абсурд, традиция и бюрократия создают порядок из хаоса. Это сборник исторических сказок и философских эссе, где каждая корона — сюжет для детектива. Для тех, кто готов смеяться над прошлым, чтобы понять настоящее.

ISBN 978-5-00-691392-9

© Герцог Бабенберг
© Издательские решения

Содержание

Предисловие к сказке-беседе «Монархия, мать...»	7
О фараоне, который был богом	8
Власть как служение, или Тени, отброшенные священным огнём	10
«У истоков порядка, или Сказки из тех времён, когда власть была ещё экспериментом»	12
Сказка о Царе Иерихона	12
Сказка о Старейшине Чатал-Хююка	13
Сказка о Вожде культуры Винча	14
Сказка о Друиде Стоунхенджа	15
1. «Сказки Тронного зала, или Монархия – мать порядка	16
Сказка первая	16
Сказка вторая	17
Сказка третья	18
2. «Сказки из Тронного зала. Продолжение, или В каждом замке – свой уклад»	19
Сказка четвёртая	19
Сказка пятая	20
Сказка шестая	21
Сказка седьмая	22
Сказка восьмая	23
3. «Сказки из Тронного зала. Том третий, или Коронованные специалисты»	24
Сказка девятая	24
Сказка одиннадцатая	25
Сказка двенадцатая	26
Сказка тринадцатая	27
4. «Сказки из Тронного зала. Том четвёртый, или Подданные тоже люди (иногда).»	28
Сказка четырнадцатая	28
Сказка пятнадцатая	29
Сказка шестнадцатая	30
Сказка семнадцатая	31
Сказка восемнадцатая	32
5. «Сказки из Тронного зала. Том пятый, или Коронованные теоретики.»	33
Сказка девятнадцатая	34
Сказка двадцатая	35
Сказка двадцать первая	36
6. «Сказки из Тронного зала. Том шестой, или Трон как способ познания мира.»	38
Сказка двадцать четвёртая	38
Сказка двадцать пятая	39
Сказка двадцать шестая	40
7. «Сказки из Тронного зала. Том седьмой, или Сердце, скованное протоколом.»	42
Сказка двадцать девятая	42

Конец ознакомительного фрагмента.

43

Монархия – мать порядка! Сказки о трех девятых

Герцог Бабенберг

© Герцог Бабенберг, 2026

ISBN 978-5-0069-1392-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие к сказке-беседе «Монархия, мать...»

Добро пожаловать. Вы переступили порог нашей беседы. Вы входите в свободную республику мнений, сумасшедший симпозиум и таверну для дискуссий на тему, пожалуй, самого парадоксального и живучего изобретения человечества – монархии.

Наше рабочее название – «Монархия, мать...» – говорит само за себя. Оно для тех, кто понимает, что разговор о королях, царях, императорах и генсеках, обрядившихся в мантию монарха, редко бывает приличным, почти никогда – простым, и всегда упирается в фундаментальные вопросы власти, традиции, абсурда и крови (как метафорической, так и самой что ни на есть настоящей).

Эта беседа – прямое продолжение нашего цикла «Сказок о царях», где мы с иронией и некоторой долей трепета разбирали:

Как в Хараппе, кажется, и царей-то не было.

Как ирландские «верхопгие» короли правили холмами и легендами.

Как вавилонские владыки мерились стелами и зиккуратами.

И как в новейшей истории трон может скрываться за простым канцелярским столом.

Здесь мы будем делать то же самое, но без церемоний и глоссариев. Здесь можно (и нужно):

Смеяться над абсурдностью придворного этикета, когда герцог отвечает за королевские носки.

Спорить о том, был ли Пётр I великим реформатором или тираном с модернизационным проектом.

Удивляться живучести института, который, казалось бы, должен был кануть в Лету вместе с рыцарскими доспехами.

Искать параллели между пиар-стратегией Екатерины II и современными политическими технологами.

Сочинять новые сказки о том, о чём история скромно умолчала.

Наши темы – это вся «мать» монархии во всех её проявлениях: от божественного права королей до скандальных мемуаров принцев, от экономики феодального поместья до символики короны на логотипе пивной марки.

Правила в нашей «монархии» просты: уважение к факту, вкус к парадоксу и свобода мысли. Здесь можно цитировать Токвиля и тут же вспоминать анекдот про Брежнева. Главное – чтобы мысль была острой, а аргумент (или шутка) – метким.

Так что устраивайтесь поудобнее. Коронаций не будет, но интересные беседы – обещаем. Давайте обсудим эту странную, архаичную, вечно возрождающуюся Мать власти – со всеми её блестящими достижениями, тёмными тайнами и неизбежными курьёзами.

К обсуждению готовы? Тогда скажите, с какой «матери» мы начнём? С династической кутерьмы древнего Египта? С финансовых афер крохотных германских княжеств? Или, может, с того, как выглядела бы современная монархия в отдельно взятой квартире?

Власть слова – за вами.

О фараоне, который был богом

Хорошо. Оставим пока шутки и гротеск. Поговорим о сути. О тех, чьи тени до сих пор лежат на нашей карте мира длинными вечерними тенями. О фараоне, который был богом. Он не правил в привычном смысле. Он поддерживал миропорядок – Маат. Его указы были ритуалами. Каждый восход солнца – его личная победа над хаосом тьмы. Он строил дворцы – машины времени из камня. Его власть была абсолютна, потому что он стоял на границе миров. Он мог приказать сотням тысяч умереть в карьерах, чтобы его ка жило вечно. Это не тирания. Это космическая необходимость, воплощённая в одном человеке. Страшно? Да. Но в этом был ужасающий порядок: вся цивилизация работала на одну идею – отрицание смерти. О царе Шумера, который был управляющим. Он не был богом. Он был «лугалем» – большим человеком. Его дворец – не храм, а гигантский распределительный центр. Его писцы вели учёт каждой меры ячменя, каждого глиняного горшка. Госплан. Его власть родилась из грязи и ирригационных каналов. Кто справедливо распределял воду и хлеб в годы засухи – тот и правил. Он издавал законы («Если человек выколол глаз другому человеку...»), чтобы ремесленники и земледельцы не резали друг друга и не нарушали работу хозяйства. Его порядок – это порядок сложной, хрупкой машины выживания в междуречье. Скучно? Зато честно. Всё – по списку, всё – для общего дела. О ассирийском царе, который был хищником. «Я – царь могучий, царь вселенной, царь Ассирии!» – начинаются его анналы. Его дворцы украшены не лотосами, а сценами охоты и распятия бунтовщиков. Его власть держалась на трёх столпах: железное оружие, идеальные дороги и систематический террор. Он не просто завоевывал – он стирал с лица земли. Переселял народы, смешивал племена, чтобы убить саму память о сопротивлении. Его порядок – это порядок легиона и виселицы. Это был анти-хаос, наведённый огнём и кровью. Цинично, эффективно, чудовищно. Но именно так родилась первая в истории военно-административная империя. О китайском Сыне Неба, который был осью. Его власть – мандат Неба. Он не управлял – он гармонизировал. Если в Поднебесной случалось наводнение, мятеж или засуха, это означало, что он потерял добродетель, и Небо отворачивалось. Весь гигантский бюрократический аппарат, экзамены, ритуалы, летописи – всё это работало на одну цель: доказать, что порядок на земле соответствует космическому порядку. Его столица построена по сторонам света, церемонии расписаны по минутам, иерархия – строже, чем в улье. Это не деспотия, а высшая форма ответственности. Царь здесь – не хозяин, а первый слуга системы, звено между небом и землёй. Сломается звено – рухнет всё. О римском императоре, который был первым среди равных (пока не стал богом). Сначала он был «принцепсом» – первым гражданином. Его власть была паутиной из военной мощи, богатства, личных связей и юридических формул. Он правил не как фараон, а как лучший менеджер Республики, которая забыла, как быть республикой. Его порядок – это право, дороги, акведуки и обожествлённая государственная идея – Рах Романа. Римский мир. Он мог быть философом-стоиком на троне, как Марк Аврелий, или чудовищным карикатурным тираном, как Калигула. Система перемалывала и тех, и других. Порядок был больше императора. Империя становилась машиной, а император – сменной деталью, которую система могла сломать и выбросить с пугающей лёгкостью. Что объединяет всех их?

Их власть была не личным капризом, а инструментом выживания цивилизации в её собственных глазах. Они олицетворяли победу над хаосом: Хаосом природы (фараон и разлив Нила). Хаосом голода (лугаль и распределение зерна). Хаосом вражды племён (ассирийский царь). Хаосом социального неравенства (Сын Неба и его мандат). Хаосом беззакония и междоусобиц (римский император).

Они строили порядок из камня, глины, законов и страха. Их тени длинны не потому, что они были великими людьми (многие были посредственностями или маньяками), а потому, что

они держали на своих плечах целый мир – жёсткий, иерархичный, часто жестокий, но работающий. И когда мы смотрим на развалины их дворцов и читаем их хвастливые летописи, мы видим не просто сказки. Мы видим глубокий, первобытный, экзистенциальный ужас перед беспорядком и титанические, часто чудовищные, попытки этот порядок создать и удержать. Ирония в том, что почти все их царства пали. Порядок оказался хрупким. Камень рассыпался в песок, законы забылись, одни страхи сменились другими. Остались лишь идеи. И тяжёлое, как плита, молчание развалин, в котором всё ещё слышится эхо их абсолютной, безоговорочной, всепоглощающей воли к порядку.

Власть как служение, или Тени, отброшенные священным огнём

О царе-жреце Чавин-де-Уантара, который правил не людьми, а связью с миром духов. Его дворец был лабиринтом, его трон – каменным монолитом в темноте, куда доносился рёв священных водоводов, имитирующих рык ягуара. Его власть заключалась в способности вводить других в транс, давать галлюциногенный кактус Сан-Педро и быть проводником. Он не собирал налоги – ему приносили дары за доступ к силе предков. Его порядок был порядком изменённого сознания, где реальность гибка, а властелин – тот, кто знает тропы в мире духов. Цивилизация рухнула, когда источник видений иссяк, и люди разошлись по горам, унося в памяти лишь эхо каменного рыка.

О касике таино, который был не командиром, а распределителем щедрости земли. В центре круглой площади – его гамак. Его власть измерялась не войском, а количеством людей, которых он мог накормить после удачной рыбалки или сбора маниока. Он первый получал улов и первый же раздавал его. Он хранил не золото, а слова: мифы о сотворении мира, имена духов-семей, правила обмена с соседними островами. Его порядок был круглым, как площадь, и хрупким, как каноэ. Он погиб, столкнувшись с иным порядком – линейным, жадным и написанным на пергаменте.

О вожде ирокезов, чья власть была растворена в структуре Длинного дома. Его уполномочивали говорить от имени клана матери. Его сила была в красноречии, в умении сплести из противоречий единое решение, принятое консенсусом. Его власть можно было в любой момент «опрокинуть», если клан терял доверие. Воины подчинялись ему только на время похода. Это был порядок бесконечных дискуссий, компромиссов и коллективной ответственности, скреплённый не мечом, а раковинами вампума – живым договором, который можно было пересмотреть. Он рухнул не из-за слабости, а потому что был слишком сложен для понимания захватчиков, видевших в нём лишь «отсутствие единоначалия».

О сахеме алгонкинов, чьё право на власть подтверждалось каждый год. Он должен был быть лучшим охотником, самым щедрым дарящим, хранителем самых точных знаний о поведении лося и течении реки. Если он ошибался, и племя голодало – его просто переставали слушать. Власть уходила к другому, более удачливому или знающему. Его порядок был экологичен до жестокости: закон тайги был выше любого человеческого авторитета. Это была власть-долг, власть-умение, растворяющаяся при первой же серьёзной ошибке.

О фараоне Эхнатоне, который попытался навязать новый, чистый, геометрический порядок. Он заменил пантеон богов единым Атоном, старую столицу – городом прямых линий Ахетатонем, хаос верований – стройным монотеизмом. Его власть была тотальной, он был пророком и воплощением нового мироздания. Но этот порядок был искусственным, выжженным, как солнце пустыни. Он пренебрёг сложной, тёмной, органичной религиозностью людей. После его смерти страна с облегчением вернулась к старому, привычному хаосу множества богов, сметая его город в песках. Это был порядок, навязанный сверху идеей, но не выросший снизу из жизни. Красивый, страшный и мёртворождённый.

О последнем правителе Чатал-Хююка, где не было улиц. Город был соткан из домов-сот, и попасть в соседнее жилище можно было только пройдя по крышам. Правил, вероятно, не человек, а ритуал. Старейшина, хранитель черепов предков, замурованных под платформами домов. Его власть была властью памяти, прядущей невидимые нити между домами. Порядок был внутренним, скрытым, как фрески в святилищах, которые видели только избранные. Цивилизация не пала – она тихо рассыпалась, как глиняная стена, когда эти нити памяти порвались.

Общий итог.

Власть в древних цивилизациях редко была просто «правом сильного». Она была:

Сакральным служением – поддержанием связи с богами и предками.

Распределительным механизмом – гарантией выживания общины в условиях дефицита.

Хранилищем знания – экологического, астрономического, мифологического.

Инструментом баланса – между родами, племенами, людьми и природой.

Она была хрупкой, потому что держалась на хрупком консенсусе, вере или удаче. Она была жёсткой, потому что цена ошибки – гибель всего племени, города, народа.

Они строили порядок не из каприза, а из экзистенциальной необходимости. И когда мы смотрим на развалины, мы видим не камни, а окаменевший страх перед хаосом и титаническое, часто трагическое, усилие по его укрощению. Их тени длинны, потому что они первыми взяли на себя невыносимую ношу – ответственность за космос своей общины. И эта ноша в том или ином виде лежит на плечах любого, кто решается вести за собой других.

«У истоков порядка, или Сказки из тех времён, когда власть была ещё экспериментом»

Сказка о Царе Иерихона который заиклился на стенах.

Царь Иахин, первый в мире градоначальник, был помешан на безопасности. Увидев, что соседние племена воюют из-за коз, он решил: надо отгородиться. Так родилась идея первой в мире городской стены. Все были в восторге. Враги подходили, видели стену, плевали и уходили. Мир!

Но Иахин на этом не успокоился. «А если они придут с лестницами? – думал он. – Надо стену выше!» Потом: «А если начнут подкапываться? Надо ров!» Потом: «А если перепрыгнут ров? Надо стену ещё выше!»

Жители Иерихона только и делали, что таскали камни, месили глину и копали. Они забыли, как выглядит неубранный урожай, и перестали узнавать своих детей, вымазанных в строительном растворе. Город превратился в неприступную, пустую внутри крепость. Врагов не было, но и жизни не стало.

Великое озарение посетило Иахина, когда он, осматривая свои бесконечные укрепления, споткнулся и свалился с верхушки стены прямо в ров. Лежа в грязи, он увидел над собой узкую полоску неба и понял: он замуровал не город от врагов, а небо от себя. Говорят, после этого он велел... пробить в стене ворота. Просто так. Для вида. А сам ушёл пасти коз, поняв, что лучшая защита от врага – не стена в десять локтей толщиной, а хорошая пастушья собака и договорённость о разделе пастбища.

Мораль: Первое, что изобретает власть для защиты от внешнего хаоса, часто становится тюрьмой для внутреннего мира. Иногда ворота важнее стен.

Сказка о Старейшине Чатал-Хююка который ввёл правила жизни без улиц.

В древнем городе Чатал-Хююк не было улиц. Дома лепились друг к другу, как пчелиные соты, и ходили по крышам, спускаясь в жилища через люки в потолке. Старейшина по имени Агг был главным регулировщиком потолков. Он столкнулся с чудовищным беспорядком: сосед мог мыть пол и пролить воду прямо на твой очаг. Драка в одном доме грозила обрушить потолок на головы гостям в другом. Нужен был кодекс.

Агг издал «Свод правил сотообразной жизни». Было предписано: топить очаг можно не чаще трёх раз в день, дабы не задымить соседей сверху; громко ругаться – только предварительно высунув голову в люк и крикнув «Внимание, ругаюсь!»; ставить тяжёлую корзину на пол можно только над нежилой кладовкой соседей.

Город погрузился в тихое, вежливое, невероятно сложное существование. Все ходили на цыпочках и мысленно просчитывали вес каждой глиняной кружки. Порядок был идеальным, пока в город не пришла пара чужаков. Они, не зная правил, громко выясняли отношения, пролили ведро воды и поставили тяжёлый сундук не в том квадрате. Весь Чатал-Хююк на сутки погрузился в хаос взаимных претензий и мокрых потолков. Агг, вместо того чтобы карать, рассмеялся. Он понял, что его гениальная система рухнула от одной случайности. После этого он добавил в свод лишь один пункт: «Правило первое и последнее: будь готов к тому, что сосед сверху когда-нибудь прольёт на тебя суп. Имей запасную накидку».

Мораль: Самый сложный порядок, построенный на хрупком равновесии, разбивается о простую человеческую неловкость. Мудрость – не в том, чтобы предотвратить суп на голове, а в том, чтобы иметь сменный головной убор.

Сказка о Вожде культуры Винча который слишком доверился глине.

Вождь племени на Дунае, которого звали Гончар, был гением учёта. Он изобрёл таблички с загадочными значками – протописьменность. Сначала он отмечал, у кого сколько зерна. Потом – кто кому должен. Потом – кто на кого косо посмотрел. Вскоре вся жизнь племени была зафиксирована на глине. Спор? «Покажи свою табличку!» Измена? «Вот знак, что она была обещана другому!» Запахло тотальным контролем.

Беда пришла оттуда, откуда не ждали. Прошёл проливной дождь. Архив из сырой глины, аккуратно разложенный на центральной площади, превратился в бесформенную лужу грязи. Все долги, все обязательства, все зафиксированные взгляды – поплыли к реке.

Племя замерло в ужасе: память исчезла! Но через мгновение люди поняли, что помнят всё и без табличек. Кто кому должен – сами знают. Кто на кого смотрел – сами видели. Гончар, глядя на всеобщее облегчение, махнул рукой: «Ладно. Давайте просто договоримся на словах. А самое важное... будем резать на камне. Или не будем».

Мораль: Цивилизация начинается с учёта, но есть риск утонуть в нём. Когда глиняный архив смывает дождём, иногда выясняется, что живая память и честное слово надёжнее любой бюрократии.

Сказка о Друиде Стоунхенджа который искал идеальный момент.

Главный друид по имени Календарь знал: сила – в точности. Он десятилетиями вычислял, куда упадёт луч солнца в день летнего солнцестояния, чтобы установить главный, алтарный камень. Без этого все остальные камни – просто груды булыжников.

Но Календарь был перфекционистом. «Вот здесь, на этом бугорке... нет, на сантиметр левее... нет, когда тень от того облака...» Прошли годы. Племя таскало многотонные глыбы туда-сюда по его указке. Воины стали седыми старцами, дети – взрослыми.

В год, когда Календарь, наконец, махнул рукой и сказал: «Ладно, кладите сюда, почти идеально», случилось небывалое. В день солнцестояния небо затянуло сплошными тучами. Никакого луча. Никакого чуда.

Календарь стоял под дождём у своего идеально установленного камня и ждал краха мира. Но мир не рухнул. Люди посмотрели на величественный круг камней, на своего промокшего друида и вдруг заплодировали. «Всё равно красиво! – крикнул кто-то. – И страшно!» Календарь понял, что искал абсолютный порядок в небе, а люди просто хотели красоты, масштаба и повода собраться вместе. С тех пор луч солнца стал приятным бонусом, а не смыслом существования.

Мораль: Стремление к абсолютной, математической гармонии с космосом часто заставляет забыть о простых, земных ожиданиях людей. Иногда монументальность и общее дело важнее астрономической точности на сантиметр.

Эпилог от самого древнего Старого Духа, сидящего у костра из костей мамонта: «Ха! – хрипит он, поправляя мохнатые шкуры. – Вижу, ты докопался до самой сути. До корней. Все эти цари, старейшины, друиды... Они изобретали одно и то же. Стену от страха. Правила от тесноты. Табличку от забывчивости. Камень от чувства незначительности перед небом. Они думали, что творят порядок. А просто боялись. Хаоса, соседа, беспамятства, бессмысленности».

Он бросает в огонь кусок смолы, и пламя вспыхивает ярко. «Но в этом вся штука. Их смешной, наивный, глиняный и каменный порядок – это и есть первые шаги. Неуклюжие, комичные. Но без них не было бы всего остального. Так что смейся. Но помни: в каждом из нас сидит тот самый Иахин, который хочет построить стену, и тот самый Гончар, который хочет всё учесть. Просто у нас теперь стены из законов, а таблички – из цифр в облаке. А суть... та же. Иди. Твой костёр ещё горит».

1. «Сказки Тронного зала, или Монархия – мать порядка (если мать немного рассеянная)»

Сказка первая О Короле, который слишком любил списки.

В королевстве Аккуратии правил Король Чек-лист Великий. Он навел такой порядок, что даже пчелы в улье работали по графику, а тучи дождь лили только по предварительной заявке. Но была у короля беда: он все время что-то терял. То корону, то скипетр, то любимого мопса Арчибальда.

«Порядок должен быть во всем!» – провозгласил он и завел Главную Книгу Учета Всего На Свете. В ней была глава «Короны» (местонахождение: голова), глава «Скипетры» (в правой руке) и даже глава «Мысли вслух» (стр. 304, запись: «А не казнить ли нам министра финансов? Подумать завтра утром»).

И вот однажды, проверяя главу «Королевские Регалии», он не обнаружил в графе «Местоположение» записи «Голова». Паника! Весь дворец перевернули. И только когда король сел за обед и полез ложкой в суп, он увидел на дне тарелки свое отражение в короне. Он просто забыл внести в Книгу пункт «Осмотр собственного лица».

Мораль: Самый совершенный порядок бесполезен, если ты забыл включить в него себя любимого.

Сказка вторая

О Царе, который поверил маркетологам.

В великой державе Традиции жил Царь Батушка IV. Услышал он однажды от заезжего византийского гостя, что нынче в моде у правителей «харизма» и «личный бренд». «Бренд? – воскликнул царь. – Да у меня на гербе двуглавый орел, чего ж еще?»

Но гость был настойчив: «Нужно что-то запоминающееся, царь-батюшка! Фирменный цвет, лозунг, стиль!»

И повелел царь перекрасить все кремлевские стены в нежно-лавандовый («цвет спокойствия и власти!»), сменить боярские шапки на бейсболки с орлом, а вместо «Государева слова» начать издавать указы в формате твитов, не длиннее 140 букв. «Казнить. Нельзя помиловать. #ЮрОТДел #СкучноБезЗпт».

Кончилось все тем, что народ, глядя на лавандовые стены и читая указы вроде «Сего числа. Щи были недосолены. Повара в опалу. #КухняБезНастроения», решил, что царя подменили. И пришлось Батушке IV срочно возвращать все как было, а византийца отправить советником по бренду к медведям в тайгу.

Мораль: Имперский стиль не терпит трендов. Он и есть тренд.

Сказка третья

Об Императоре, который хотел тишины.

Император Всея Островов и Континентов Тихон I обожал покой. Но в его гигантской империи вечно что-то происходило: то мятеж на окраине, то спор о налогах, то драка патрициев в сенате из-за места поближе к вентилятору.

«Молчать! – гремел он. – Я требую абсолютной тишины для императорских размышлений!»

Советники предложили радикальный метод: все проблемы должны быть записаны на свитках и складываться в специальную «Урну Непокоя». Император будет раз в день вытаскивать одну наугад и решать. Система работала прекрасно. Тихон I наслаждался тишиной.

Но однажды он вытащил свиток, развернул его и прочел: «Жалоба от мышей в императорских амбарах. Кот Барсик ведет себя не по чину: гоняется, кричит „мяу“, нарушает субординацию. Требуем его в отставку».

Император задумался. Потом взял кисть и начертал резолюцию: «Кота Барсика – в советники по делам мелких грызунов. Пусть разбирается. Устал».

И с тех пор в империи воцарился хрупкий, но очень занятный порядок, где у каждой проблемы появился свой, прямо заинтересованный, начальник.

Мораль: Мудрое правление – это не когда решаешь все проблемы, а когда грамотно делегируешь их другим. Желательно – котам.

Эпилог (он же Пролог для новых сказок):

А в старинном замке, на троне, покрытом немного потертым бархатом, до сих пор сидит Старый Король-Рассказчик. Он давно не правит землями, но правит историями. И когда кто-то говорит, что монархия устарела, он усмехается и отвечает: «Дитя мое, монархия – это не про власть. Это про ответственность. И про то, чтобы вносить в Книгу Учета пункт „Корона на голове“. А порядок... он всегда начинается с умения посмеяться над собой. Даже если на тебе мантия, подбитая горностаем».

2. «Сказки из Тронного зала. Продолжение, или В каждом замке – свой уклад»

Сказка четвёртая О Султানে, который искал наследника.

Султан Великолепный Ахмед-аль-Невыносимый имел всё: семьдесят жён, триста ковров, дворец с фонтанами из розовой воды и попугая, который кричал «Казна полна!». Но не было у него сына. А султанат, как известно, передаётся по мужской линии.

Собрал он визирей. «Что делать?» – спросил султан. Мудрейший из них, склонившись, изрёк: «О, Повелитель! Надобно испытать всех жён на мудрость и хозяйственность. Та, что превзойдёт всех в искусстве готовить плов и разгадывать государственные загадки, родит тебе наследника!»

Начались испытания. Дворец утонул в запахах шафрана и корицы, а воздух дрожал от споров о том, как лучше собирать налоги с верблюжьих караванов. Султан, пробуя сороковой вариант плова, вдруг понял, что счастлив. У него есть совет умных собеседниц, море вкусной еды и полная свобода. Он издал указ: «Отныне престол наследует самый мудрый, будь то сын, дочь или тот, чей плов самый сбалансированный. А я пока буду править, слушая советы и причмокивая».

Мораль: Порядок престолонаследия – дело важное, но иногда его стоит пересмотреть за тарелкой отличного плова.

Сказка пятая

О Фараоне, который увлёкся эргономикой.

Фараон Джосер Удобный возненавидел пирамиды. «Углы острые! – жаловался он жрецам. – В коридорах сквозняки, саркофаг не отрегулировать по высоте, а иероглифы на стенах такие вычурные, что глаза устают! Надо строить по-новому!»

И повелел он воздвигнуть первую в мире Пирамиду-студию с open-space. Вместо лабиринтов – светлое открытое пространство. Вместо каменных гробниц – модульные кубические склепы с ящиками для каноп. На стенах – минималистичные пиктограммы (солнце, Нил, кот). «Порядок и функциональность!» – провозгласил фараон.

Но когда он возлёт в свой ergonomics-саркофаг, оказалось, что:

Без узких коридоров духи предков гуляют по всему open-space и постоянно отвлекают.

Модульные склепы так легко передвигать, что никто не может найти свою мумию.

Простые пиктограммы так всем понравились, что их стали рисовать на папирусах с государственными указами, и теперь никто не мог отличить указ о сборе урожая от рецепта пива.

Фараону пришлось достраивать одну традиционную пирамидку с углами – исключительно для отдыха от прогресса.

Мораль: Даже самый прогрессивный порядок должен учитывать проверенные временем традиции... особенно если речь идёт о загробной жизни.

Сказка шестая

О Князе, который открыл демократию (на один день).

В славном городе-государстве Вечеград правил Князь Всеволод Твердая Рука. Однажды, после особенно шумного народного веча, где ему наглядно объяснили, куда следует засушить его новый указ о налоге на бороды, князь устало сказал: «Хорошо! Завтра правите вы! Я – просто гражданин Всеволод».

На следующий день в княжеских палатах творилось невообразимое. Кузнец предлагал крыть все крыши города жостью, бабка Агафья требовала узаконить обязательную дневную сиесту для всех котов, а скоморох Ерошка настаивал, чтобы главной валютой стал горох (он им жонглировал).

К полудню совет превратился в базар. «Гражданин Всеволод» сидел в углу и мирно доедал калач. Вдруг в окно влетел мяч, сбив кувшин с квасом. Наступила тишина. Все смотрели на бывшего князя.

Он встал, отряхнулся и сказал: «Порядок. Сейчас я, как гражданин, внесу предложение. Предложение первое: выбрать того, кто будет иметь последнее слово. Предложение второе: пусть это буду я. А иначе так и будем горохом жонглировать вместо дел».

Вече единогласно проголосовало «за». Демократия удалась.

Мораль: Народовластие – это прекрасно, но кому-то всё же приходится подметать осколки и говорить «последнее слово».

Сказка седьмая

О Вожде, который поверил в магию данных.

Вождь Белоснежного Племени по имени Смотрящий-На-Следы был практичен. Он верил только в то, что можно потрогать, съесть или использовать как оружие. Но однажды шаман показал ему Великое Табличное Заклинание на глиняной табличке: «Смотри, вождь! Здесь учтены все бизоны, все луки и все дети в племени! Это сила!»

Смотрящий-На-Следы был очарован. Он приказал сделать таблички на всё: «Учёт ударов в бубен шамана за сеанс», «Статистика падения снега по дням», «Рейтинг костров по теплоотдаче».

Порядок стал тотальным. Но однажды на племя напали соседи-Кричащие-В-Ночи. Вождь, вместо того чтобы схватиться за копье, закричал: «Жду отчёт по наличию копий и кадровый резерв воинов в формате „сводка-за-сутки“!» Пока писцы искали нужные таблички, враги уже утащили половину припасов.

Очнувшись, вождь разбил все таблички о скалу, кроме одной – «Учёт вражеских набегов (чтобы предвидеть)». «Данные – это хорошо, – провозгласил он. – Но инстинкт и быстрое копье – лучше».

Мораль: Порядок в отчётах не должен мешать порядку в обороне. Иначе вместо структурированных данных получишь очень неструктурированное разорение.

Сказка восьмая

О Доже, который боялся воды.

В славной Морской Республике Серениссима дожем был избран старый, мудрый и... страдавший морской болезнью Леонардо Третий. Он зеленел при виде волны, а от запаха солёного ветра его укачивало. «Как я буду править республикой мореплавателей?» – стонал он, глядя на карту с бесконечными морскими путями.

Его совет нашёл гениальное решение. Дождь правил из абсолютно неподвижного каменного дворца. Все приказы, доклады и новости с флотов приходили к нему в виде... тактильных моделей, запахов и звуков. Шкивами и верёвками в тронном зале создавали точную копию качки, приносили кувшины с запахами дальних стран (пряности, чай, водоросли), а адмиралы отчитывались, перебирая узлы на свёртках карт.

Именно дождь Леонардо, никогда не выходивший в море, разработал идеальную систему сигнальных флажков («Раз уж меня самоё качает, пусть хоть флаги будут статичными и понятными!») и придумал меню для матросов, борющееся с цингой. Он навёл идеальный сухопутный порядок для морской державы.

Мораль: Чтобы управлять стихией, не обязательно в неё погружаться. Иногда нужен именно тот, кто видит её со стороны, на карте, и думает о благополучии тех, кто в ней.

Финальный эпилог от Старого Короля-Рассказчика:

«Вот видишь ли, – говорит он, поправляя свою немножко поношенную, но удобную корону. – Будь ты султан, дождь или вождь племени, суть одна. Порядок – это не когда все ходят по струнке. Это когда твой народ сыт, защищён, а ты сам знаешь, где лежит твой саркофаг, свиток или глиняная табличка. И помни: лучший указ тот, после которого не хочется бросаться в правителя горохом. Если, конечно, это не прописано в местной демократической традиции».

3. «Сказки из Тронного зала. Том третий, или Коронованные специалисты»

Сказка девятая О Махарадже, который полюбил конвейер.

В цветущей стране Джунглестан правил Махараджа Биканеров Непреклонный. Он обо- жал два вещи: слонов и эффективность. Прочитав в старинном фолианте о «промышленной революции», он решил, что это и есть ключ к безупречному порядку. «Все процессы должны быть оптимизированы!» – провозгласил он и велел построить во дворце первый в мире кон-вейер по приёму просителей. Теперь подданные, желая подать жалобу или просьбу, садились на движущуюся платформу. На первом этапе у них принимали свиток, на втором – снимали мерку для потенциального подарка за хорошую идею, на третьем – младший писарь ставил штамп «Рассмотрено/Не рассмотрено», а на четвёртом – они, не сходя с ленты, получали либо мешок риса (одобрено), либо лёгкий удар подушкой (отказано). Всё шло гладко, пока на кон-вейер не запрыгнул разъярённый тигр, сбегавший из княжеского зверинца. Конвейер, не раз-бирая, провёл его через все этапы: принял «жалобу» (рык), снял мерку (очень большие), поста-вил штамп «Рассмотрено» и на выходе выдал ему по ошибке мешок риса. Тигр, сбитый с толку такой вежливостью, утащил рис в джунгли, а махараджа сделал вывод: «Конвейер работает! Даже дикого зверя делает законопослушным получателем господности!»

Мораль: Высокая эффективность системы измеряется не тем, как она работает в идеале, а тем, как она выходит из положения при встрече с тигром.

Сказка десятая: О Шахиншахе, которого замучила поэзия.

В Империи Полумесяца и Розы правил Шахиншах (Царь Царей) Керим Сияющий. По древнему обычаю, каждый его указ, каждое «да» и «нет» должны были быть облечены в форму изысканных рубаи (четверостиший). Это считалось верхом культуры и порядка. «Раз-бей вражеское войско у реки» превращалось в: «Пусть клинки, как лепестки роз, упадут у волны. Где река шепчет стихи о былой глубине». Полководцы чесали затылки, гадая, атако-вать или ждать, пока река что-нибудь прошепчет. Однажды шахиншах захотел просто, без поэ-зии, сказать: «Поддать в банной печи». Но придворные поэты зарыдали: «Величество! Это же нарушит гармонию!» И родился указ: «О, жаркое сердце каменных недр! Вдохни в свои лёгкие ветер углей, чтоб пар, как душа джинна, восстал из кувшина и омыл тела, уставшие от прав-ления дней!»

Истопники, прослушав указ, дружно впали в ступор. Шахиншах, махнув рукой, сам пошёл и бросил в печь лопату угля. С тех пор он издавал два указа: один – поэтический для летописей, второй – на простом языке, с пометкой «Для истопников и прочих делателей».

Мораль: Высокий стиль украшает власть, но дрова от этого горят не жарче.

Сказка одиннадцатая О Курфюрсте, который не мог выбрать.

В Священной Римской Империи, среди семи курфюрстов, чья почётная обязанность была – выбирать императора, особенно выделялся Курфюрст Пфальцский Оттокар Колеблущийся. Он видел в каждом кандидате и плюсы, и минусы. «Альбрехт? Силён, но усы слишком пышные – будет за ними прятаться! Фридрих? Умён, но смеётся тихо – не хватит харизмы!»

Накануне выборов он, мучаясь, завёл гигантскую сравнительную таблицу на пергаменте размером с конский завод. Вес кандидата, громкость голоса, длина родословной, качество наследного горносталя – всё было учтено. Когда настал день голосования, шестеро курфюрстов быстро подали голоса. Оттокар же встал и заявил: «На основании анализа, оптимальным был бы компромиссный кандидат, сочетающий усы Альбрехта, смех Фридриха и горносталя Венцеслава! Поскольку такого нет, я... воздерживаюсь». Шестеро других в ярости выбрали императором самого наглого и бесцеремонного из кандидатов, Юлиуса, именно чтобы насолить нерешительному Оттокару. Мораль: Стремление к идеальному порядку в выборе часто приводит к власти самого беспорядочного человека – просто чтобы побыстрее закончить совещание.

Сказка двенадцатая

О Патриархе-мирянине, который начал ребрендинг.

В уединённом Горном Монастыре, где монахи хранили древнее учение о Вселенском Спокойствии, случился кризис: молодёжь перестала приходить в послушники. Старый Патриарх решил, что нужно идти в ногу со временем. «Порядок в душах должен быть модным!» – заявил он. Он сменил древние коричневые рясы на удобные худи с капюшонами и вышитой мантрой на спине. Вместо утренних колоколов ввели «медитативный электронный эмбиент». А вместо трапезы в тишине – «практику mindful-eating» с обсуждением вкусо-цветовых ассоциаций. Монахи были в смятении. Однажды, когда патриарх представлял новую «стриминговую службу» для онлайн-пожертвований, в ворота постучался юноша. «Я шёл к вам, потому что хотел убежать от всего этого шума, гаджетов и трендов, – сказал он, глядя на монаха в худи с наушниками. – А тут, я вижу, всё то же самое, только со свечами». Патриарх сел на каменные ступени, снял наушники и вздохнул. На следующий день в монастыре снова зазвучал простой колокол, а худи пустили на тряпки для уборки. Порядок вернулся.

Мораль: Когда начинаешь продавать тишину как продукт, ты первым же перестаёшь её слышать.

Сказка тринадцатая О Кайзере, который верил в протокол.

Кайзер Вильгельм-Фридрих Протокольный верил, что мир держится на церемониале. В его дворце был протокол на всё: как чихнуть в присутствии высочества (три поклона, потом в левый рукав), как уронить вилку (не поднимать самому – позвать младшего метрдотеля, который передаст её через старшего официанта), как посмотреть в окно (только стоя на полшага левее маркизетовой портьеры). Однажды во время торжественного приёма в зале погасла огромная люстра. Наступила кромешная тьма и паника. Но кайзер, не дрогнув, провозгласил из темноты: «Включается протокол №177 „Внезапное затмение в бальном зале“! Пункт первый: всем замереть! Пункт второй: старшему гофмаршалу издать предписанный свист!»

Раздался свист. Из дальних покоев, как и было прописано, прибежали пажи с зажжёнными масляными лампами на длинных шестах. Освещение было восстановлено в идеальном порядке. Правда, выяснилось, что за время действия протокола посол Франции стащил у посла Австрии табакерку, но это уже был вопрос для протокола №178 «Межгосударственные инциденты в условиях искусственного освещения».

Мораль: Даже хаос можно обратить в церемонию, если вовремя найти нужный параграф. Но от человеческой природы никакой протокол не спасёт.

Эпилог от Старого Короля-Рассказчика, попивающего чай с мятой:

«Видишь ли, – говорит он, с наслаждением прихлёбывая из немаркированной, но удобной кружки. – Как ни назови правителя – махараджа, кайзер или патриарх – суть испытаний одна. Всё это попытки усадить жизнь на табуретку абсолютного порядка. А жизнь, она, как тот тигр с мешком риса, вечно норовит сойти с конвейера и удрать в собственные джунгли. Мудрый правитель не тот, кто построит самый совершенный конвейер, а тот, кто оставит рядом с ним тропинку... на всякий пожарный, вернее, тигриный случай. Ну, или запасёт побольше подушек для ударов».

4. «Сказки из Тронного зала. Том четвёртый, или Подданные тоже люди (иногда).»

Сказка четырнадцатая О Великом Герцoge, который победил скуку.

В тихом и аккуратном Великом Герцогстве Тюльпании всё было так правильно, что стало невыносимо скучно. Погода – по графику, тюльпаны – по линейке, даже облака плыли строем. Великий Герцог Людвиг Педантичный III зевал на заседаниях тайного совета. «Порядок должен быть вдохновляющим! – заявил он однажды. – Я объявляю конкурс на Самую Бесполезную, но Красивую Должность в Герцогстве!»

Так в стране появился Главный Смотритель за Тенями от Шпилей (он составлял поэтические отчёты о их движении), Вице-канцлер по Делах Облачных Форм (он искал в небе профили великих предков) и Обер-интендант Шуршания Шёлковых Штанов (отвечал за акустический комфорт при ходьбе). Сначала аристократия воротила нос, но вскоре все погрузились в азарт творчества. Страна расцвела невероятными должностями, фестивалями абсурда и всеобщим весельем. Экономика, к удивлению совета, пошла в город: туристы съезжались посмотреть на Обер-шуршателя. Порядок не рухнул, он стал... интересным. Мораль: Иногда лучший способ поддерживать порядок – это даровать подданным право на красивый и безопасный беспорядок в специально отведённых местах.

Сказка пятнадцатая

О Микадо, который слишком хорошо слушал.

Просвещённый Микадо Страны Восходящего Солнца, Хирохито-сан, славился тем, что никогда не перечил своему старшему советнику, мудрому и древнему Фудзиваре. «Слушай старших – вот основа гармонии «ва», – учил Фудзивара. И Микадо слушал. Когда Фудзивара сказал, что карликовые сосны в саду должны быть подстрижены только в полнолуние, Микадо согласился. Когда советник заявил, что чихнуть на совете – признак божественного вмешательства, Микадо ввёл «чихательный» протокол. Но когда дряхлый Фудзивара, поссорившись с поваром из-за соуса, прошептал: «Этот повар не чувствует «ва». Он – угроза для трона», Микадо в задумчивости кивнул. На следующий день повара сослали на дальний остров. А ещё через день весь дворец взбунтовался, ибо есть стало нечего. Суп был безвкусным, рис пригорал, а рыба для церемоний пахла... обычной рыбой. Микадо, впервые за годы, не согласился с советником. Он вернул повара, а Фудзиваре подарил домик у горы с прекрасным видом – для созерцания «ва» вдали от кухни. Мораль: Даже самый совершенный порядок рушится без хорошего обеда. Истинная мудрость – знать, чьи советы слушать за столом переговоров, а чьи – за обеденным столом.

Сказка шестнадцатая

Об Эмире, который хотел быть справедливым до цифры.

Эмир Абдуллах Справедливый из оазиса Аль-Камиль был математическим гением. Он верил, что любую проблему можно решить вычислением. «Справедливость должна быть точной, как алгебра!» – говорил он. Однажды к нему пришли два бедуина. Один украл у другого верблюдицу. Эмир погрузился в расчёты. Он учел возраст верблюдицы, её среднегодовой удой, моральный ущерб, амортизацию седла и даже эмоциональную привязанность. Через три дня он вынес вердикт: «Вор должен вернуть верблюдицу, выплатить 37,5 золотых динаров компенсации и подарить потерпевшему трёх молодых коз в знак восстановления социального баланса». Вор заплакал: «О, эмир! У меня нет ни динаров, ни коз!» Тогда эмир, не моргнув глазом, достал новый свиток: «В таком случае, включается формула конвертации. Ты отработаешь долг в имении потерпевшего на протяжении 5 лет, 2 месяцев и 14 дней, с правом на выходной в високосный год». Бедуины, посмотрев друг на друга, просто обнялись. «Мы уже помирились, о эмир, – сказал потерпевший. – Он мне брат. Динары нам не нужны». Эмир был потрясён. Его безупречные расчёты разбились о человеческую глупость... или мудрость? Он приказал вписать в свой свод законов новую, самую важную переменную: «Коэффициент примирения (X) – может обратить в ноль любое уравнение». Мораль: Справедливость – это не результат сложного вычисления, а такое решение, после которого никто не хочет пересчитывать.

Сказка семнадцатая **О Таоше, который искал знамение.**

В княжестве высоко в горах, куда даже дороги боялись заходить, правил Таоше (князь) по имени Гур-Доржэ. Он свято верил, что каждое важное решение должно быть подтверждено знамением. Полёт орла, трещина на чайной пиале, форма комка в брикете чая – всё было знаком. Однажды встал вопрос: жениться ли его сыну на девушке из северного или южного рода? Таоше устроил грандиозный трёхдневный ритуал для получения знамения. Гадали на бараньей лопатке, слушали, как воеет ветер в ущелье, наблюдали за поведением священного яка. Знаки были противоречивы. Як лягнул на север, баранья кость треснула на юг, а ветер просто свистел незамысловатую песенку. Таоше был в отчаянии. Вдруг в шатёр вбежал его сын. «Батя! – крикнул он. – Я уже неделю как тайно женат на той, что с юга! Она уже ждёт ребёнка!»

Таоше сел, тяжело вздохнул, а потом рассмеялся. «Вот оно, самое ясное знамение! – провозгласил он. – Знамение имени Жизнь! Отныне оно главнее полёта орла. Объявляю трёхдневный пир!»

Мораль: Самые важные решения часто принимаются сердцем (или сыном) задолго до того, как небо сообразовит дать однозначный знак.

Сказка восемнадцатая

О Радже, который ввёл дресс-код для животных.

Раджа Суровый Сингх считал, что беспорядок начинается с мелочей. А самой мелочной и неконтролируемой частью его царства были животные. «Свиньи валяются в грязи, обезьяны носят что попало, павлины щеголяют без меры! Пора навести красоту!»

Он издал указ о Едином Зверином Дресс-коде. Павлинам предписывалось держать хвосты собранными в строгий пучок (штраф за самовольное распускание). Обезьянам выдали одинаковые жилеты из простой ткани. Слонов обязали носить на бивнях скромные медные наконечники вместо ярких украшений. Царство погрузилось в хаос. Павлины, не в силах ухаживать за стеснёнными перьями, начали лысеть. Обезьяны, в отчаянии сорвав жилеты, забрасывали ими дворцовую стражу. А слоны в тёмное время суток стали снимать наконечники и тихо класть их в кусты. Раджа осознал поражение, когда увидел, как его любимый ручной тигр в попытке надеть предписанный бант изгрыз пол-гардеробной. Указ был тихо отменён, а вместо него появился закон: «Великолепие Природы есть высший указ, перед которым склоняются все искусственные правила». Мораль: Нельзя улучшить совершенство. А если пытаешься надеть бант на тигра, готовься к тому, что останешься без банта и без половины мебели.

Вечерний эпилог от Старого Короля-Рассказчика, доедающего печенье:

«Так-то вот, – говорит он, стряхивая крошки с колен. – Чем выше титул, тем сложнее понять простую вещь: порядок для людей, а не люди для порядка. Можно, конечно, заставить павлина быть скромным, а ветер – давать мудрые знамения. Но тогда мир станет ужасно скучным местом. И где в таком мире брать смешные истории для старых королей? Так что пусть лучше павлины тщеславятся, ветер просто свистит, а сыновья женятся без спроса. Это и есть тот самый живой, настоящий порядок. Немного громкий, пахнущий овсом и верблюдами, но зато – живой».

5. «Сказки из Тронного зала. Том пятый, или Коронованные теоретики.»

Сказка девятнадцатая **О Калифе, который объявил войну глаголам.**

Калиф Багдада Омар Аль-Хасиб, потомок мудрецов, возненавидел неопределённость. А её, как он выяснил, в мир приносят глаголы: «хочет», «может быть», «подумает». «В моём государстве будут только факты и приказы!» – провозгласил он. Он заменил весь бюрократический аппарат. Указы теперь звучали так: «Солнце. Восход. Базар. Открытие. Налоги. Поступление. Вечер.» Поэзия умерла. Дипломатия стала невозможной. Соседний эмир прислал письмо: «Меч. Армия. Граница. Завтра.» Калиф в ответ: «Стены. Высота. Кипяток. Готовность.»

Война едва не началась из-за отсутствия сослагательного наклонения. Спас положение слепой старый мулла, служивший ещё отцу калифа. Он пришёл во дворец и сказал единственное предложение с глаголом: «Позволь мне рассказать тебе историю, о Повелитель Правоверных». И рассказал. И калиф, слушая о приключениях, в которых герой «мог бы» свернуть не туда и «хотел бы» вернуть слово, впервые за полгода улыбнулся. Указ №1 был отменён. На его месте появился новый: «Пусть в саду фактов растёт хотя бы один цветок „возможно“. И поливать его должен лично я».

Мораль: Мир, описанный лишь существительными, – это склад. Жизнь начинается с глаголов.

Сказка двадцатая О Сёгуне, который полюбил пиар.

Сёгун Токугава Иэтанэ, правитель Страны Восходящего Солнца, был гением реальной политики, но его вечно раздражали непонятливые самураи и крестьяне. «Они не ценят сложность моих манёвров!» – жаловался он советнику. Тот, побывав у голландцев, принёс новое слово: «пропаганда». Сёгун ухватился за идею. Он создал министерство «Великой Воли» (по нашему – минобраз и пропаганды). Теперь каждое его решение облекалось в эпичную историю. Повысил налог на рис? «Сёгун, подобно мудрому дракону, собирает зёрнышки дождя будущей победы!» Казнил взяточника? «Меч справедливости, закалённый в лучах его добродетели, рассек тучи лжи!»

Всё шло хорошо, пока не случился голод. Министр подал записку: «Великая Благодатная Аскеза! Народ, закаляясь в лишениях, точит дух для грядущего расцвета!» Сёгун, впервые за годы, вышел в город без охраны. Увидел реальный голод, а не эпитеты к нему. Вернувшись, он распустил министерство, а его начальника отправил «закалять дух» на рисовые поля. А народу просто раздал зерно из своих запасов. Без единого громкого слова.

Мораль: Когда слова становятся важнее дел, реальность мстит тихо, но неотвратимо.

Сказка двадцать первая

О Хане, который хотел письменного завещания.

Старый хан Золотой Орды, Барак-Неукротимый, чувствовал, что силы уходят. А вокруг – двенадцать сыновей, каждый на своём коне, каждый смотрит на отцовскую ставку. Традиция гласила: наследника выбирает совет старейшин после смерти хана, слушая волю Неба и конский топот. Но Барак, насмотревшись на западных послов, захотел чёткости. «Принесите бумагу и чернил! – приказал он. – Я напишу, кому быть ханом. Будет, как у цивилизованных народов. Порядок!»

Писарь-китаец принёс бумагу. Хан взял кисть... и задумался. А если выберу старшего – обидится самый смелый? Если самого умного – послушается самый сильный? Он ставил кляксы, рвал листы. Сыновья, узнав про «бумажную волю», стали ещё более подозрительными. В день, когда хан почувствовал конец, он собрал всех сыновей. Перед ними дымился котелок с бараньей похлёбкой. «Вот, – хрипло сказал Барак. – Кто из вас сможет поднести этот котелок ко рту умирающего отца, не расплескав ни капли? Тот и достоин. Орда – не лист бумаги. Орда – это чтобы суп не расплескать.»

Так порядок наследования был решён не чернилами, а умением нести общий котёл. Тяжело, зато честно.

Мораль: Некоторые вещи слишком важны и хрупки, чтобы доверять их бумаге. Их можно только пронести в руках, не расплескав.

Сказка двадцать вторая: О Хедиве, который купил будущее.

Хедив Египта Исмаил-паша Просвещённый обожал всё новое. Парижские бульвары, итальянская опера, английские паровозы. «Мой Египет будет светочем прогресса! Порядок через инновации!» – заявлял он. Европейские коммерсанты, потирая руки, везли ему всё: от паровых плугов до электрических звонков для гарема. Казна пустела, но хедив был счастлив. Он заказал у французского футуролога «Полный план будущего на 100 лет вперёд» – толстенный том с графиками, схемами и чертежами фантастических машин. План предписывал: «В 1890 году – распустить ослиные упряжки как пережиток. Ввести летающие коляски (проект прилагается)». Было 1870-й. Ослов распустили, а коляски не летали. План гласил: «1905 – построить хрустальную пирамиду-электростанцию». Денег не было даже на ремонт ирригационных каналов. В итоге хедива свергли за долги. Уезжая в изгнание, он взял с собой только тот футурологический план. Говорят, он любил его перечитывать, вздыхая: «Какая красота! Какая мысль! Жаль, будущее оказалось недостаточно современным для моего плана».

Мораль: Будущее нельзя купить в рассрочку. Оно приходит своим ходом, и часто – на ослике.

Сказка двадцать третья: О Сардаре, который слишком верил в диаграммы.

Сардар (военачальник) сикхского княжества, могучий Ранджит Сингх, был тактическим гением. Он победил во всех битвах, потому что тщательно всё планировал. Со временем он начал применять военный подход ко всему. Он составил «Диаграмму семейного счастья», где были расписаны беседы с женой, игры с детьми и даже шутки (с пометкой «юмор, стратегический, 5 мин.»). Он разработал «Боевой устав похода за покупками» для дворцовой кухни. Всё рухнуло в день рождения младшего сына. По диаграмме «Праздник, этап 4» отец должен был подарить кинжал и произнести речь о доблести. Но мальчик, увидев подарок, расплакался: он хотел попугая. Сардар замер. Его схемы не предусматривали «слёзы по попугаю». Он стоял с кинжалом, а сын рыдал. Наутро во дворце появился самый дорогой и говорящий попугай на всём Индостане. А «Диаграмма семейного счастья» была торжественно сожжена в саду. «Любовь, – сказал сардар своим офицерам, – это единственная операция, где план становится известным только в момент её проведения».

Мораль: Семьи и сердца плохо штурмуются по плану. Иногда нужна не осада, а неожиданный попугай.

Ночной эпилог от Старого Короля-Рассказчика, смотрящего на звёзды:

«Вот что, дружок, – говорит он, закутываясь в потрёпанный плащ. – Все эти калифы, хедивы и сардары... они думали, что порядок – это система. Алгебра, план, диаграмма, свод законов. Но посмотри на небо. Там миллиарды звёзд, и ни одна не светит по указу. Они просто горят. И в этом хаосе – совершенная гармония. Так и с людьми. Самый прочный порядок тот, в котором есть место слезам ребёнка, немой мудрости старого муллы и глупому попугаю. Всё остальное – просто красивые чернила на бумаге, которую может унести первый же ветер с пустыни. А теперь спать. Завтра, возможно, придумаем сказку про императора, который пытался упорядочить сны. Спокойной ночи».

6. «Сказки из Тронного зала. Том шестой, или Трон как способ познания мира.»

Сказка двадцать четвёртая О Бароне, который верил в силу протокола.

Барон фон унд цу Шнееберг, правитель крохотной, но невероятно древней альпийской долины, жил по одному принципу: «Was Ordnung ist, muss Ordnung bleiben» (Что есть порядок, должен порядком оставаться). Его замок был музеем протокола. Существовали правила, как подниматься по лестнице (сначала гость, потом тень гостя, потом запах гостя), как чихнуть в буфете (три поклона в сторону портрета основателя династии) и как уронить вилку (никогда не поднимать самому – позвать младшего лакея, который передаст её через старшего официанта). Проблема случилась, когда в долину пришла мода на воздухоплавание. Воздушный шар соседнего князя приземлился прямо на баронский розарий. Князь, весёлый и бесцеремонный, вылез из корзины, похлопал барона по плечу и сказал: «Эй, старина, извини за посадку!»

Барон остолбенел. Ни один протокол не предусматривал внепланового появления гостя с неба. Лакеи замерли в нерешительности: нужно ли подавать гостю, прибывшему вертикально, тот же набор блюд, что и гостю, прибывшему горизонтально?

Пока барон лихорадочно листал фолианты, князь уже распивал с садовником шнапс и топтал розы. Барон понял: мир изобрёл нечто, к чему у него нет параграфа. В тот день родился новый протокол №457 «О взаимодействии с гостями, прибывшими посредством воздушных аппаратов, с поправкой на степень повреждения цветников». Первым его пунктом было: «В первую очередь предложить шнапс. Разбираться потом».

Мораль: Даже самый совершенный свод правил бессилён перед человеком с хорошим настроением и воздушным шаром. Иногда порядок приходится изобретать на ходу, и начинать лучше с аперитива.

Сказка двадцать пятая О Мвами (короле Бурунди), который решил провести перепись.

Мвами Нтаре, Повелитель Баранов и Холмов, правил своим народом по праву наследия и воли духов. Но однажды ему приснился странный сон: бесконечный ряд одинаковых деревьев. Придворный толкователь, научившийся говорить с колонизаторами, сказал: «О, Мвами! Это знак! Тебя просят считать! Как считают они!»

Так Мвами затеял Великую Перепись. «Я должен знать, – заявил он, – сколько у меня воинов, сколько мотыг, сколько коров и сколько духов предков, являющихся по вторникам». Подданные, никогда не считавшие дальше пальцев на руках и ногах, были в замешательстве. Как сосчитать духов? Учитывать ли кур, которые могут быть и не курами, а душами забытых детей? Перепись превратилась в грандиозный философский диспут. Страна на месяц забыла о посевах и войнах, зато узнала, что дух прабабки Мвами является в образе рыжей курицы и очень любит просо. Итоговый свиток содержал такие строки: «Воинственных духов: много. Добрых духов: достаточно. Коров: как травы после дождя. Людей: столько, чтобы всем хватило места у общего огня». Мвами удовлетворился. Европейские же картографы, получив этот отчет, так и не смогли нанести Бурунди на карту. Страна осталась красивой легендой с точным числом рыжих кур-прабабок.

Мораль: Цифры – плохой способ измерить то, что по-настоящему важно: достаточность, уют и память, являющуюся по вторникам.

Сказка двадцать шестая

О Великом князе Литовском, который искал компромисс.

Великий князь Литовский и Русский, Миндовг Кривой Глаз, правил страной, где жили язычники, православные и католики; литвины, русины и жемайты; бояре, горожане и вольные стрелки. Все они вечно спорили. «Порядок в разнообразии! – изрёк Миндовг. – У каждого своя правда. Надо это узаконить». Он издал «Статут Удобств», где для каждой группы были свои правила. Для язычников – священные рощи, для христиан – церковная десятина, но в свою пользу. Для бояр – право суда, для горожан – право на самоуправление, но с налогом. Для жемайтов – особая формула присяги с прыжками через костёр. Вскоре выяснилось, что один и тот же человек, будучи, например, православным жемайтом-горожанином, должен был платить три разных налога, молиться в двух местах и раз в год прыгать через костёр, отчитываясь перед тремя разными чиновниками. Административный аппарат княжества вырос втрое и целиком питался этими налогами. Миндовг, глядя на эту вавилонскую башню, собрал всех и сказал: «Забудьте. Отныне общий закон один: не свисти в лесу, когда другие молятся, не кради коня у соседа и плати один налог – мне. А в остальном – как хотите. И да, прыгать через костёр можно всем. Это весело».

Мораль: Стремление угодить всем создаёт систему, неудобную абсолютно для каждого. Простые, общие для всех правила часто рождаются от усталости слушать споры.

Сказка двадцать седьмая: О Негусе (императоре Эфиопии), который любил симметрию.

Негус Теодрос II, потомок Соломона, был эстетом. Он верил, что красота – основа гармонии, а основа красоты – симметрия. Он начал перестраивать империю. Города должны были иметь строго квадратную планировку. Горы (те, что помельче) велено было подровнять для эстетики. Даже войско он построил не по родам войск, а по росту: самый высокий ряд – копейщики, пониже – лучники, ещё ниже – священники с молитвами. Пик его efforts пришёлся на попытку сделать симметричной... свою семью. У него было пять жён. Пять – число несимметричное. Он женился на шестой, но та сбежала, не выдержав вечных перестроек в гареме, где подушки должны были лежать строго попарно. Всё рухнуло, когда против империи восстало могучее, но абсолютно асимметричное племя с гор. Их воины были разного роста, их атака – хаотичной, их столица – лабиринтом пещер. Идеальная армия Негуса, выстроенная в каре по росту, оказалась беспомощна против этой живой, колючей, неупорядоченной стихии. Теодрос, проиграв битву, сидел в пещере и смотрел на неровные сталактиты. «Возможно, – сказал он своему последнему верному слуге, – Бог создал мир асимметричным не из-за небрежности, а потому что так интереснее».

Мораль: Симметрия хороша для фасадов, но жизнь – вещь шероховатая, кривая и часто однобокая. И в этом её прелесть.

Сказка двадцать восьмая: О Господаре Валашском, который боролся с геральдикой.

Господарь Влад, правитель Валахии, был человеком дела, а не церемоний. Его раздражала вся эта мишура: гербы, печати, титулатуры. «Я – Влад! Мой меч – мой герб, моя воля – моя печать!»

Но бояре и иностранные послы вечно приставали: «Ваша светлость, а где ваш гербовой знак? А как звучит ваша полная титулатура для договора?»

В порыве раздражения Влад издал указ: «Отныне гербом Валахии объявляется простое яблоко. Зелёное. Потому что оно мне нравится. А полный титул: Влад, тот, который есть. И точка». Дипломатический хаос был немедленным. Гербы – язык знати, а тут – фрукт! Послы сговаривались, что это тонкое оскорбление. Бояре шушукались, что яблоко – символ грехопа-

дения. Влад, узнав об этом, расвирепел. «Ладно! – прогремел он. – Герб будет дракон. Страшный. А титул: Влад Дракула (Сын Дракона). Довольны?»

Все замерли в ужасе и восхищении. Это было гениально: и страшно, и благородно, и мифично. Порядок был восстановлен. Хотя сам Влад в душе так и считал, что лучшее геральдическое животное – это оседланный им конь, несущийся на врага.

Мораль: Иногда самый эффективный порядок устанавливается не через компромисс, а через радикальное и даже пугающее упрощение. Просто убедитесь, что ваше «упрощение» – это дракон, а не яблоко.

7. «Сказки из Тронного зала. Том седьмой, или Сердце, скованное протоколом.»

Сказка двадцать девятая

О Королеве-регентше, которая систематизировала любовь.

Когда старый король умер, оставив трон малолетнему сыну, Королева-регентша Элеонора Твердая взяла бразды правления. Она навела идеальный порядок в финансах, армии и законах. Но её безумно раздражал двор, погрязший в романтических интригах, вздохах и стихках. «Любовь – это хаос! – заявила она. – А хаос – угроза стабильности. Она должна быть регламентирована!»

Она издала «Эдикт о Упорядоченных Чувствах». Влюбляться разрешалось только с письменного разрешения канцлера по сердечным делам (подача заявления – раз в квартал). Свидания регламентировались: парк, аллея №3, время – 45 минут, темы для беседы из утверждённого списка (погода, государственная политика, достоинства регентши). Поцелуи допускались только после обручения и только в щёку, с нотариально заверенным согласием обеих сторон. Двор погрузился в уныние. Шёпотом передавали друг другу контрабандные сонеты. Но самое удивительное случилось с самой Элеонорой. За проверкой одного из прошений о чувствах она засиделась допоздна с новым, молодым канцлером по сердечным делам. И между спорами о параграфах и поправках, они не заметили, как перешли на «ты» и как канцлер, забыв про все инструкции, рассказал ей смешную историю из детства. Наутро Элеонора отменила эдикт одним росчерком пера. А на полях указа написала: «Пункт первый: Любовь не подчиняется. Пункт последний: См. пункт первый». Канцлер по сердечным делам стал князем-консортом.

Мораль: Чувства нельзя вписать в параграфы. Они прорываются, как весенняя трава сквозь каменную кладку указа, и часто – именно в сердце того, кто издал указ.

Сказка тридцатая: Об Инфанте, которая считала, что счастье можно спланировать.

Инфанта Изабелла де ла Луз, наследница престола Кастилии, с детства знала: она – драгоценный сосуд династии. Её воспитали как идеальную принцессу. И она решила, что станет идеальной правительницей. Для этого нужно построить идеальное счастье. Она составила «План Жизненного Совершенства» в десяти томах. В 18 лет – выучить третий язык, в 21 – выйти замуж за выгодного принца (пункт 21.3: «проверить на наличие наследственных болезней и амбиций»), в 25 – родить наследника, в 30 – покровительствовать искусствам, и так далее. Всё шло по плану, пока в 21 год на смотр женихов не прибыл неучтённый фактор – принц Фернандо Арагонский. Он был не самым выгодным, опаздывал на аудиенцию, а его усмешка никак не вписывалась в графу «достоинства». Но когда он взглянул на неё, Изабелла забыла весь свой план. Она поняла, что десять томов – это скучно. А он – нет. Она порвала план (что было самым неплановым и потому восхитительным поступком в её жизни) и сказала отцу: «Беру этого. С ним мы завоюем весь мир, даже если это не запланировано». Так родилась могущественная королевская чета, правившая сердцем и мечом. А тома «Плана» сожгли в камине, и их пепел, как говорили, приносил удачу влюблённым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.